

ВСТРЕЧА С ТАЛАНТОМ

Тысяча девятьсот шестьдесят второй год. Народный артист СССР Н. П. Охлопков ставит в Московском театре имени Вл. Маяковского «Медея» Еврипида — пьесу, написанную почти за две с половиной тысячи лет до нас.

Огромный, тысячеголосый зал имени Чайковского рукоплещет своей современнице — Евгении Козыревой, только что властно заставившей зрителя прикоснуться к порогу жизни и смерти, к порогу добра и зла — той грани, которая определяет Человека в человеке. Сила чувств, страстей, отчаяния ее Медеи, преступившей этот порог, настолько огромна, настолько ярка, что трагедия обманутой женщины перерастает себя и становится трагедией личности, незаурядности, восстающей против своего унижения.

Этот спектакль с тех пор стал одной из самых значительных работ театра. С него и начал 1 июня свои гастроли у нас в Воронеже Московский Академический театр имени Вл. Маяковского. С Медей — народной артисткой РСФСР Е. Н. Козыревой за эти годы успели

познакомиться и ленинградцы, и киевляне, и ташкентцы. Сохранилась ли в ее героине та необыкновенная, потрясающая сила характера, сгваивающая ее и над жизнью, и над смертью? Более пятисот раз шел спектакль... Тот, кому посчастливилось попасть на него в этот раз, — встретился с Медей, по-прежнему не знающей смирения ни перед богами, ни перед людьми.

Медея — мать двоих детей, жена легендарного героя Ясона — предстает перед нами в тот ужасный день и час, когда она узнает, что ее муж оказался «худшим из людей». Он не только оставляет ее как женщину, как жену — он предает ее как Человека. Ясон оставляет Медею, спасшую ему жизнь и покнившую ради него свою родину, даже не из-за любви к молодой царевне, на которой он теперь женится. Нет! «Женюсь я, — говорит Медее холерный, вылощенный Ясон (артист Б. Химичев), — чтобы себя устроить. Давно известно, что бедного чуждается и друг»...

Такой цинизм, естественно, не может не вызвать себе в ответ зло. И Медея мстит

Ясону «вдвойне» — она убивает его невесту и обоих детей. Убивает своих детей, зная, что этим она сможет нанести самую глубокую рану Ясону.

Обида не делает женщин нежными. Зло не красит, ярость тоже не возвышает. Медея Е. Козыревой — натура яростная, волевая. И когда в ней прорывается нежность и где-то вдруг на один миг даже обычная женская беспомощность, это просто пронзает вас болью. «Я не смогу», — счастливо смеется она, освобожденно отгоняя от себя мысль об убийстве детей... И гасит вместе с факелом в себе все живое, решаясь на это ужасное дело.

Великолепен голос у Е. Козыревой. От резкого, режущего душу крика отчаяния до беспомощного шепота. А где-то внутри переливы и переходы женственного, мянущего, насмешливого и, наконец, издаваемого смеха!

Пластический рисунок роли у Е. Козыревой абсолютно естествен, но настолько точен, что запоминается надолго. Конечно, он неотделим от всего того, что ее

окружает — от мерных, аккомпанирующих движений хора, белых колонн и ступеней стройной мелодии света и цвета спектакля. Спектакль «Медея» назван спектаклем-концертом. В этом стройном концертном ансамбле его солист — Е. Козырева с блеском ведет свою трагическую партию, по праву занимая в нем первое место. Видимо, оно будет оставаться за актрисой все-

да, сколько бы она спектаклей ни играла, потому что это в какой-то мере проистекает из самого стремления Е. Козыревой к образам незаурядным, сильным, одаренным. Такова ее любимая Катерина в «Грозе» Островского. Таковы ее симпатии и к подобным образам, созданным ее коллегами. На мой вопрос об этом Евгения Николаевна ответила, что ей очень нравится Чрезвычайный посол у народной артистки СССР А. Степановой в одноименном спектакле МХАТа, ее же Елизавета в «Марии Стюарт».

Мы снова возвращаемся к спектаклям в Воронеже.

— Я играю в «Аристократах», — говорит Е. Козырева, — так что мне представится возможность еще одной встречи с вашими зрителями, а встречи эти всегда бывают интересны. Гастроли — это разные города и часто совершенно разная реакция зала.

Я уверена, что контакт с воронежским зрителем у Е. Н. Козыревой уже установился. Прочно и надолго.

Д. ГОРДИНА.